

дель феодо-вассальных институтов может быть использована без существенной переинтерпретации. Однако и к Англии, где феодальные обязанности существуют в условиях сильной и бюрократизированной политической власти, она приложима лишь в части положений.

Рассмотренные британской исследовательницей понятия вассалитета и феода рисуются сугубым творением февдистов нового времени. Эти историографические окаменелости влекут за собой шлейф архаических представлений о средневековье и обществе в целом. Итог книги – полное отвержение первого и ревизия второго. Еще меньше оснований придерживаться существующего взгляда на “соединение феода и вассалитета”: и на историю феодализма “в узком мысле слова”, которая видится автору не столько органическим развитием неких традиционных ценностей и отношений, сколько их палимпсестом¹.

¹ См. также: *Giordanengo G. Le droit féodal dans les pays de droit écrit. L'exemple de la Provence et du Dauphiné, XIIIe – début XIVe siècle. Roma, 1988*

И.В. Дубровский

J. Le Goff

Saint Louis: Bibliothèque des Histoires.
Paris: Gallimard, 1996.

Монография Жака Ле Гоффа о Людовике IX Святом, великом правителе XIII в., даже по своим формальным параметрам может рассматриваться как событие в новейшей историографии. Во-первых, априорный интерес к работе вызывает само имя автора – бесспорного классика современной медиевистики, властителя умов не одного поколения историков и гуманитариев. Во-вторых, внимания заслуживает и тот факт, что замысел исследования и работа над ним заняли весьма долгий период времени – около 15 лет¹, и уже поэтому его можно рассматривать как особый этап научной биографии Ж. Ле Гоффа. Об этом прямо свидетельствует и обращенный к образу Людовика горячий энтузиазм автора, свидетельство чему мы находим и в предварявших появление книги публикациях; он буквально пронизывает и текст финального исследования. В-третьих, обстоятельством не просто примечательным, но и прямо провоцирующим, кажется и сам жанр исследования – историческая биография; жанр, который в силу своих канонических формальных параметров долгое время казался вполне чуждым проблематике и исследовательской стратегии “Анналов”.

Последнее обстоятельство кажется особенно примечательным и открывает путь к пониманию истинного масштаба притязаний исследования. Выбор Ж. Ле Гоффом “консервативного” жанра не означает возвращения “возмутителя спокойствия” в русло конвенционального академического исследования. Напротив, этот шаг вызван стремлением к взлому

еще одной печати, направлен на разрушение традиционных договоренностей в игнорировавшейся ранее сфере исторического исследования и историописания. Усилия автора нацелены не только (и не столько) на постановку новых исследовательских задач, конкретного предмета и методов изучения; их дерзость определяется желанием экспериментальной проверки пределов внутренней гибкости жанровых канонов, возможности их адаптации к исследовательской программе, которая, как кажется, по своим масштабам выходит за пределы жанра. Работа Ж. Ле Гоффа может рассматриваться как ответ на поставленную современной полемикой в сфере социальных и гуманитарных наук проблему соотношения формы и содержания, т.е. адекватности нарративной (сюжет и стилистика) и идеологической (техника интерпретации и методология) структур исторического сочинения.

Ж. Ле Гофф предельно откровенно формулирует свое стремление реализовать в рамках предпринимаемого исследования почти утопический замысел гармонического совмещения стратегии традиционного социально-культурного исследования с проблематикой так называемого постмодернизма. Не настаивая на бесспорной достижимости желаемой цели, автор тем не менее основной пафос своей работы обращает на утверждение принципиальной совместимости методологии социально-культурной и тотальной истории (жрецом которой он сам являлся на протяжении своей научной карьеры) с программными требованиями ее современных критиков. Работа Ле Гоффа представляет собой ценную возможность анализа пределов совместимости – формально – противоборствующих тенденций в современной историко-культурной и гуманитарной рефлексии, как на уровне декларации целей и стратегии, так и – что наиболее существенно – на уровне достижения желаемых результатов в практическом исследовании.

Определяя характер своего исследования, Ж. Ле Гофф заявляет о решительном отказе от традиционных правил написания историко-биографического сочинения. Он высказывает полное согласие с современной критикой историко-биографических исследований (Ж.-К. Пассерон, Дж. Леви, П. Бурдьё), отмечающей искажения перспективы в призме конвенциональных жанровых схем и стилистических установок. В частности, эффект “биографической” утопии (Ж.-К. Пассерон) и “биографической иллюзии” (П. Бурдьё) вызывается исходной ориентацией на идеальное обособление фигуры героя и его биографии, их представление в априорно заданных рамках упорядоченной хронологии и стабильной, равной себе личности². Ле Гофф считает ложным традиционное противопоставление исторической биографии широкому историческому исследованию в рамках оппозиции “конкретное–абстрактное”. Вместе с тем он отмечает бесспорно свойственный биографии “эффект реальности”, который связан как с литературно-стилистическими нормами, сближающими жанр научной биографии с художественным сочинением, так и с историческими источниками и соблазнами их интерпретации. Отвергая путь изображения “конкретной” личной истории, Ле Гофф одновременно от-

казывается и от традиционного приема создания широкой исторической панорамы в рамках биографического исследования. Целью работы не является написание "истории XIII в." или создание портрета Людовика Святого в интерьере эпохи³.

Исходным основанием для автора, таким образом, является "разоблачение" методической бесперспективности традиционного механического совмещения двух исследовательских перспектив: "большой" истории и индивидуальной исторической биографии. Ключ к решению этой проблемы он видит в преодолении условного разделения научных жанров: "истории структур" и длительных социальных процессов, с одной стороны, и биографического изыскания, с другой.

Автор высказывает убеждение в том, что великая личность, подобная Людовику, дает возможность для "глобализации" исторического исследования даже в рамках биографии. Герой сочинения Ж. Ле Гоффа соприкасался с самыми разными сторонами социальной жизни, так или иначе в его деятельности отражались важнейшие социальные и культурные процессы его времени. К их числу автор относит утверждение новых социальных групп, носителей собственных культурных детерминант, таких, как городское купечество и университетские интеллектуалы. Среди наиболее существенных для эпохи духовных и культурных веяний Ж. Ле Гофф указывает и становление "новой религиозности" нищенствующих орденов, равно как и развитие новых идеологических формул сакрализации королевской власти. По мнению исследователя, рассуждения о личности "великого короля" и его биографии неизбежно должны учитывать не просто факт существенных именно для этой эпохи социальных и культурных тенденций, но специально их преломление в деятельности и самосознании Людовика.

Ж. Ле Гофф предельно точно определяет избираемые им ракурсы, или – вернее – уровни рассмотрения фигуры героя. Первый определяется им как проблема соотношения разных исторических времен – времени индивидуальной биографии и времени больших исторических процессов. Традиционная композиция "герой в интерьере эпохи" замещается исследованием характера и степени влияния социально-культурных движений эпохи на развертывание биографии исторической личности. Не только в постановке задач исследования, но и на протяжении всего исследования Ж. Ле Гофф последовательно уходит от двух традиционных установок избранного им жанра – изначально заданной исторической миссии и самой личности героя, с одной стороны и концентрации исследования на его историческом величии, экстраординарности его деяний, с другой. Людовик Святой, откровенно признаваемый автором в качестве великой и во многом центральной для своего столетия личности, интересует исследователя и в качестве порождения своего времени, и его творца. Основной фокус внимания, однако, направлен не на эффективную событийность, а на соответствие деяний Людовика динамическим и структурно значимым явлениям XIII в.

Второй уровень рассмотрения персоны короля имеет перед собой несомненно более сложную и проблематичную по самой своей постановке

11. Одиссей, 1997...

задачу. Смысл ее может быть определен как целенаправленное притязание на соприкосновение с “реальной личностью” героя, что обнаруживается в многократном повторении автором определения-метафоры “истинный Святой Людовик”. Исследовательская парадигма в данном случае определяется двойственной соотношенностью героя и эпохи: принадлежность Людовика своему времени и роль короля в формировании облика эпохи. Ле Гофф высказывает согласие с идеей Дж. Леви о том, что биография представляет собой идеальное поле для определения меры свободы в действиях “агентов”, равно как и для наблюдения за характером функционирования нормативных систем, не лишенных внутренних противоречий. Личность Людовика из фокуса пересечения биографического времени и времени исторического переносится в фокус соотношенности личных ценностных установок индивидуального действия с идеологическими и нормативными моделями эпохи.

Анализ или, точнее, реконструкция личности Людовика как историко-культурного феномена осуществляется Ж. Ле Гоффом путем ее рассмотрения в двух культурных и идеологических контекстах. Первый из них очерчен проблематикой сакрализации и легитимации власти правителя, второй – системой представлений о святости, их идеально-нормативного и иерархического положения в общей системе религиозного сознания XIII в. Исследователь полагает, что именно указанные социально-этнические и ценностные системы в наибольшей степени повлияли на формирование личности Людовика, как с точки зрения личного поведения и самосознания, так и в плане ее восприятия извне. В сущности исследование ставит своей целью триединую задачу: представить Людовика как личность, как короля и как святого, причем все ипостаси героя оказываются глубоко и органично взаимосвязаны.

Уже на уровне формулирования задач исследования мы видим тесное переплетение различных по своему характеру методических и тематических установок. Можно выделить ряд во многом воспринимаемых как антиномии исследовательских ракурсов, которые историк пытается свести в органическом единстве в рамках своей работы. С одной стороны, Ж. Ле Гофф стремится реализовать давно интересующий его замысел “тотальной” истории, с другой – проверить устойчивость традиционных конвенций жанра исторической биографии. Его работа представляет собой попытку плодотворного сосуществования разных течений социально-культурной истории: истории структур, занимающейся “длительными процессами” и частной истории, исходящей из целесообразности изучения “индивидуальных” случаев и ситуаций, в которых преломляется культурное своеобразие эпохи. Весьма существенным кажется обращение Ж. Ле Гоффа к актуальной и весьма болезненной для традиционного исторического исследования проблематике “литературной критики”. В частности, значительное место в работе уделено вопросу о мере адекватности исторических текстов стоящей за ними исторической реальности. Феномен “стилизация” как универсального социального инструмента самосознания и самовыражения и – одновременно – способа маскировки выво-

дится Ле Гоффом за пределы анализа собственно “литературных текстов” и осознается как кардинальный объект историко-культурной интерпретации. В этом смысле его подход обнаруживает точки соприкосновения с “новой культурной историей”. Наконец самим автором в качестве сквозного и исходного осознается вопрос о соотношении собственно исследовательской и нарративной сторон исторического сочинения. Желание разрешить проблему, как и для чего должна создаваться историческая биография, признается Ле Гоффом как импульс, спровоцировавший его “предприятие”. За ним стоит не только указанное выше желание проверки гибкости консервативного жанра с точки зрения адаптации новой проблематики, но и стремление определить степень влияния формальных канонов жанра на процесс и результаты исследования.

Круг историографических проблем, затрагиваемых автором, также поражает своей широтой и разнообразием. Интенсивному обсуждению подвергаются актуальные вопросы культурной и социальной истории: восприятие времени и пространства, городская культура и ментальность, роль интеллектуалов в средневековом обществе, социальная память и факторы ее развития, представления европейцев об иных землях, изобразительное искусство как предмет социально-культурной интерпретации. Ведущее положение, однако, занимают две проблемы: во-первых, символический язык и идеология власти; система религиозных представлений и идеал святости, во-вторых. Обсуждение этих проблем автором, будучи сконцентрировано на XIII столетии, имеет широкую хронологическую перспективу, уходящую, с одной стороны, в раннее средневековье, с другой – в живую современность.

Все эти ракурсы рассмотрения и репрезентации фигуры Людовика отражены в формальной структуре сочинения Ж. Ле Гоффа. Автор подразделяет свою книгу на три части, каждая из которых, в целом, представляет завершенное в себе самое исследование. Первая часть (“Жизнь Людовика Святого”) посвящена изложению биографии короля от момента его рождения до обстоятельств посмертной канонизации. Сам автор характеризует эту часть как наиболее “нарративный” раздел книги, однако уже здесь поднимаются многие существенные проблемы, обсуждение которых рефреном звучит на протяжении всего сочинения. Вторая часть сочинения (“Сотворение образа короля в исторической памяти: существовал ли святой Людовик?”) сугубо сконцентрирована на анализе средневековых сочинений XIII–XIV столетий, посвященных или уделяющих существенное место образу короля. В этом разделе автор выясняет механизмы и принципы конструирования образа Людовика в средневековой письменной традиции. Он убедительно показывает, что образ короля существенно варьировался в различных сочинениях. Причем различное восприятие короля определялось не столько временной дистанцией, сколько спецификой целей, идеологических и культурных установок отдельных социальных и религиозных сообществ, с инициативой которых и было связано “производство” тех или иных текстов. Существенные отличия в изображениях короля автор объясняет и исходными нормативными

установками различных жанров. В частности, традиционная топка, литературные и риторические каноны предопределили существенные различия персоны Людовика как героя агиографических текстов, хронистики или биографии короля, созданный Жуанвием. С точки зрения решения кардинальной исследовательской проблемы – приближения к реальному Людовику – этот раздел носит очевидный деконструктивный характер, поскольку именно здесь автор достигает существенных успехов в разрушении традиционной историографической иллюзии об историческом источнике как хранилище аутентичной информации.

Третья – и по всей видимости центральная – часть работы (“Людовик Святой, идеальный и уникальный”) посвящена процедуре реконструкции личности Людовика в ее специфических духовных и поведенческих проявлениях. Методически и по содержанию она представляет собой противовес, своеобразную исследовательскую антитезу второй части сочинения. Избираемый Ж. Ле Гоффом путь к истинному Людовику проходит через сопоставление данных различных источников, согласование “фактов” и “явлений”, относящихся как непосредственно к личности короля, так и к тому, что условно можно обозначить в качестве духовного контекста эпохи. Именно в этой главе автор дает наиболее исчерпывающее представление о характерных для времени Людовика механизмах рефлексии по поводу феноменов королевской власти и святости, выстраивает сложные ряды используемых эпохой идеологических формул, литературных топосов, символов и ритуалов. Стремясь определить положение Людовика в этой системе координат, автор направляет свои усилия на разрушение традиционного видения исторического деятеля как пассивного рецептора веяний эпохи. Целью исследования становится установление меры сознательности героя в восприятии определенных формул и идеальных моделей для подражания, равно как и свободы действия и поведения в рамках нормативных требований и общих тенденций социального развития. Основные выводы автора, сформулированные уже в заглавии третьей части работы, могут быть сведены к констатации того факта, что Людовик Святой был первым правителем Франции, сознательно стремившимся реализовать в своей деятельности и в создании собственного образа идеальные представления о сакральном христианском правителе и основные религиозно-этические требования порожденного нищенствующими орденами эталона святости. Риторический и проблемный вопрос, определяющий общую тональность исследования – существовал ли Святой Людовик? – получает отчасти свое позитивное разрешение.

Задача приближения к личности Людовика, историко-культурная “индивидуализация” его образа связана с рядом серьезных проблем: идентификацией определенного круга идей, ценностей и представлений как существенного именно для героя исследования, определения специфики их преломления в индивидуальном сознании и их значимости в мотивации поведения. Решение этих вопросов прямо связано с выбором техники интерпретации исторических источников. Исследователь сталкивается с необходимостью верифицированного вычленения характеристик героя, ко-

которые являются не только плодом риторических и идеологических манипуляций средневековых авторов, но и имеют отношение к "истинному Людовику". Выявление индивидуальных приоритетов неизбежно упирается в вопрос о самосознании героя, что ставит перед автором проблему очерчивания границ понятия "личности" или "индивидуальности" в его конкретном историко-культурном содержании. Мне представляется, что задача выхода к самой личности короля в конечном счете оказалась неразрешенной. В сложном коллаже, составленном из высказываний современников и исторических фактов, так или иначе связанных с образом короля, образ героя скорее растворяется, чем прочерчивается. Реконструкция "личности" в значительной степени превращается в процедуру интеллектуальной мифологизации Людовика. Представляется, что искусная интерпретативная техника, используемая Ж. Ле Гоффом, не позволяет выйти за пределы того, что источники говорят и хотят сказать, и приблизиться к реальности того, что служит предметом (или поводом) высказывания. Отталкиваясь от констатации факта стилизации героя авторами исторических сочинений или отмечая такие стилизации в произведениях искусства, ученый в конечном счете вынужден использовать эти данные при характеристике героя. Кроме того, возможно, что большую убедительность, если не достоверность (подтвердить которую все равно невозможно), суждениям Ж. Ле Гоффа об уникальности и "новизне" личности Людовика в ряду средневековых правителей могли бы придать развернутые ретроспективные или синхронные сопоставления.

Работа Ж. Ле Гоффа не только претендует быть опытом революции в жанре исторической биографии, но и в значительной степени является таковым. Автору удалось не только предельно раздвинуть границы допустимой проблематики, но и по-новому взглянуть на саму задачу историко-биографического исследования. Традиционная стратегия создания "портрета исторической личности в интерьере эпохи" со всей радикальностью замещается задачей "реконструкции исторической личности в историко-культурном контексте эпохи". Однако работа Ле Гоффа, как кажется, оставляет открытым вопрос о возможностях исторического исследования в воссоздании образа, аутентичного личности изучаемого героя. В частности, вопрос об "истинном Людовике" упирается в проблему адекватности сведений о нем, с одной стороны, и корректности аналитических заключений об интенциях его поведения и саморепрезентации — с другой. Окончательной и бесспорной верификации не поддается, как думается, ни одно, ни другое. Оптический эффект сочинения, одновременное присутствие в нем энциклопедической объемности и монотонно нацеленного на героя фокуса интерпретации, убеждает не столько в истинности реконструируемого образа, сколько в неисчерпаемости возможностей расширения "исторического интерьера" и ракурсов рассмотрения. Неоднократное упоминание Ж. Ле Гоффом понятий стилизации и само-стилизации применительно к герою и его эпохе, как кажется, не является лишь данью модной терминологии, но указывает границы реальных возможностей исследования в описании духовных и культурных феноменов.

Вопрос “существовал ли Людовик Святой?” не только дает толчок к исследованию, но и несет провоцирующее сомнение в собственной правомочности.

Анализ содержания книги, конкретных интерпретаций, логических построений и выводов должен быть предметом особого обсуждения с точки зрения многочисленных историографических проблем, затронутых автором. И в плане собственной логики текст исследования как таковой достоин стать предметом специального критического изучения.

¹ Первые публикации специально посвященных Людовику Святому исследований Ж. Ле Гоффа появились в начале 80-х годов. В многочисленных статьях и интервью, опубликованных в течение предшествующих изданию монографии лет, ученый так или иначе осветил круг проблем, составивших основу финального труда.

² В библиографических примечаниях к “Введению” (р. 26–27) Ж. Ле Гофф указывает работы, которые, по его мнению, наиболее адекватно отражают необходимость новых подходов к жанру “исторической биографии”: Bourdieu P. L'illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. Vol. 62–63, janv. 1986. P. 69–72, Chamboredon J.-C. Le temps de la biographie et les temps de l'histoire // Quotidienneté et histoire: Colloque de l'École normale supérieure. Lyon, Mai 1952 P. 17–29; Проблема исторической биографии как исследовательского жанра стала предметом рассуждения Ж. Ле Гоффа задолго до появления рецензируемого издания

³ Любопытно, что предшествовавшие монографии Ле Гоффа исследования о Людовике Святом неоднократно носили названия типа “Людовик и его время”. См., например Wallon H.-A. Saint Louis et son temps P., 1875. Vol. 1–2; Le siècle de Saint Louis / (éd R. Pernoud) P., 1970; Saint-Denis A. La siècle de Saint Louis. P., 1994.

М.Ю. Парамонова

Gabriele Scheidegger

Perverse Abendland – barbarisches Russland.
Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts
im Schatten kultureller Missverständnisse.
Zürich, 1993.

Авторы имагологических работ используют различные способы создания образа “другого”. Если исследователь рисует этот образ в соответствии с заданной концепцией, рождается образ–иллюзия. Образ–отражение, образ–копия (впрочем, весьма относительная) возникают в том случае, если автор удовлетворяется составлением перечня признаков предмета исследования. Единственно плодотворным представляется анализ взаимных “отражений”, “метод зеркала”, открывающий возможность познания в оппозициях “я”–“другой” и той, и другой стороны. Именно таков подход к изучению представлений друг о друге русских и европейцев XVI–XVII вв. швейцарской исследовательницы Габриэле Шайдеггер. Подобная постановка вопроса, когда в центре размышлений оказывается не

* Слово “европеец” я употребляю здесь для обозначения жителей Западной (латинской) Европы, подобно тому, как автор рецензируемой книги употребляет таким же образом слово “Abendländer”.